Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 23–54
Tomsk State University Journal of Philology. 2024. 87. pp. 23–54

Научная статья
УДК 81-23
doi: 10.17223/19986645/87/2

# Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола

**Андрей Сергеевич Дружинин[1], Наталия Александровна Лаврова[2]**

*[1, 2] Московский государственный университет международных отношений МИД России, Москва, Россия*
*[1] Andrey.druzhinin.89@mail.ru*
*[2] n.lavrova@inno.mgimo.ru*

**Аннотация.** Рассматривается типологическая взаимосвязь двух грамматических категорий – прошедшего времени и ирреалиса – на когнитивном уровне. На основании когнитивного анализа типологических данных русского, английского, болгарского и некоторых других языков выдвигается гипотеза о том, что прошедшее время связано со значением альтернативности и реляционности, благодаря чему прошлое осмысляется как область гипотетических связей и отношений, обусловливающих семантику ирреальности.

**Ключевые слова:** сослагательное наклонение, пересказывательное наклонение, апрехенсив, эвиденциальность, оптатив, паллиатив, темпоральный опыт, воплощенное познание

**Для цитирования:** Дружинин А.С., Лаврова Н.А. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 23–54. doi: 10.17223/19986645/87/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/2

# What is irreal about the past and why the past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship

**Andrey S. Druzhinin[1], Nataliya A. Lavrova[2]**

*[1, 2] MGIMO University, Moscow, Russian Federation*
*[1] Andrey.druzhinin.89@mail.ru*
*[2] n.lavrova@inno.mgimo.ru*

**Abstract.** The article deals with cross-linguistic patterns of past tense verb forms functioning under the category of irrealis. Approaching language as a means and process of understanding and organizing the world, we examine ways in which the irreal meaning of the past tense is grounded in human experience. Theory of language does

© Дружинин А.С., Лаврова Н.А., 2024

not seem to offer a consistent explanation as to why the past is irreal or why irreality is construed in past tense verbs. With this in mind, the investigation of the preterit as an irrealis marker across languages builds on a cognitive interpretation of the contrastive analysis. In other words, typological regularities of the irreal past are explained in terms of embodied reasoning in which a human engages when interacting with the world and others. It is hypothesized that the meaning of past tense is rooted in the subject's experience with perspectival alternatives arising with her abstractions from and reflections on interactions with things that are no longer in a perceptual field, which requires coordinations (interpretations) of varied perceptual vantage points and temporal perspectives under uncertainty. It follows that the past as a domain of mediated, secondary observations ("hindsight observations") is conceptualized as a domain of hypothetical entities and actions on which the meaning of irreality builds. Research data is mainly represented by corpus-based examples from literary and spoken discourse of Russian, English, and Bulgarian. The cognitive analysis reveals that past-tense marking of irrealis is accounted for by the prevalently relational, inter-subjective semantics through which a discourse of the past is constructed and made sense of relative to displaced and displaceable reference points, aka other subjects' perspectives. This semantic distinction helps understand the difference between grammatical forms and meanings that underlie such categories as subjunctive, palliative, desiderative, dubitative, apprehensive, and other irreal moods across languages. In particular, non-preterit markers of irrealis in English and Russian subjunctives are apparently linked to a more linear and/or egocentric reasoning about temporal changes, whereby reality is identified with the "inner moving force" or the subject's interests and desires that she can hardly control (as in imperative mood, for example), that is why such grammatical expressions of irreality are usually more emotional, colloquial and logically basic. Preterit markers, by contrast, are embedded in a more participatory, dialogical discourse that involves engagement in open-ended meaning-making wherein no definitive answer, decision, or choice is required, but rather options for acting are left open (as in counterfactuals and optatives, for example). Therefore, such expressions of irreality are usually more polite and logically challenging.

**Keywords:** subjunctive mood, narrated mood, apprehensive mood, evidentiality, optative mood, palliative mood, temporal experience, embodied reasoning

**For citation:** Druzhinin, A.S. & Lavrova, N.A. (2024) What is irreal about the past and why past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 87. pp. 23–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/2

## Введение

Впервые проблема ирреальности была поставлена в лингвистике в 1930 г. Э. Сепиром, исследовавшим типологию языков и выделившим в системе глагольных форм грамматическое значение «нереальной деятельности, чисто потенциальной или противоречащей фактам» [1. P. 168]. На этом основании выделяется широкий класс ирреальных наклонений (сослагательное, условное, желательное, пересказывательное, предположительное и т.д.), указывающих на несоответствие «лингвистического времени» описываемой ситуации «физическому» моменту речи по логическому принципу ложности / истинности. Вслед за В.А. Плунгяном (2004) в настоящей

работе под термином «ирреалис» понимается грамматическая категория (или ее граммемы), а общий семантический компонент ситуаций, не «принадлежащих реальному миру», обозначается термином «ирреальность» [2. С. 15][1].

Среди маркеров ирреальности, таких как аффиксы, внутренняя флексия, аналитические формы, порядок слов в предложении (см. [3. P. 405]), выделяется граммема прошедшего времени глагола. Цель данной статьи – объяснить, почему категория прошедшего времени связана со значением ирреальности во многих языках мира. В работе рассматриваются формы прошедшего времени, омонимичные ирреалисным формам (сослагательного и условного наклонения, конъюнктива, пересказывательного наклонения), с модально-эпистемическими значениями, или в иллокутивной функции [4], директивности, оптатива, дезидератива, паллиатива, апрехенсива и дубидатива.

Новизна исследования заключается в том, что взаимосвязь категорий времени и ирреализа, изучавшаяся в типологии ранее [5–9], рассматривается на междисциплинарном уровне, с учетом принципов когнитивно-психологической деятельности человека, которую он осуществляет и организует посредством данных языковых категорий.

Статья структурирована в соответствии с поставленной целью: вначале проводится краткий сравнительно-типологический анализ роли форм прошедшего времени в формировании категории ирреализа в синхронии, рассматриваются и критически анализируются различные подходы к интерпретации этой семантики, затем излагается теоретико-методологическая основа исследования, выдвигается гипотеза о реляционной семантике прошедшего времени, приводится обоснование гипотезы с опорой на типологические данные, в завершение делаются выводы и заключение.

Основным материалом практической части исследования послужили русский, английский и болгарский языки, а именно 324 контекста употребления претеритных форм, образующих грамматическую категорию ирреализа, отобранных посредством квотной стратифицированной выборки из художественной, периодической, научной, методической и дидактической литературы, а также из НКРЯ.

[1] Учитывая предметную область лингвистики, которой эти оба термина обязаны своим появлением, мы также не можем не учесть их операциональную специфику как внутридисциплинарных понятий. С этой точки зрения ирреалис – это разграничение, проводимое лингвистами с целью грамматического анализа языка и упорядочивания знаний о его глагольных формах. Ирреальность же является семантическим следствием такого грамматического маркирования, помогающим упорядочить знания о мире и сформировать о нем то или иное представление под «влиянием» уже сформированной лингвонаучной категории ирреализа.

## 1. Ирреальное прошлое как языковая универсалия: проблема интерпретации

Граммема прошедшего времени является типологически универсальным способом маркирования категории ирреализа. Э. Сепир, впервые выделивший ирреализ на морфологическом уровне в индейском языке юте, говорит о сочетаниях модального суффикса ирреализа с граммемами перфектного и нарративного прошлого [1. P. 168]. В русском языке сослагательное наклонение конструируется аналитическим сочетанием частицы *бы (б)* с глагольной формой на *-л*, совпадающей с формой прошедшего времени [10. Т. I. С. 625]. Этимология частицы *бы* также указывает на связь со значением перфектного прошедшего времени: она восходит к глаголу *быть* в форме аориста 2 и 3 л. ед. ч. со значением «стал». Согласно одной из гипотез «в праславянском существовал плюсквамперфект вида *byхъ xodilъ*. В некоторых диалектах он очень рано контаминировался с исконным условным наклонением… В тех диалектах, где не существовали формы вида *bimъ xodilъ,* развитие плюсквамперфекта в направлении нереального значения могло происходить независимо» [11. С. 307]. Праславянские формы аориста глагола *быть*, на современном этапе развития языка ассоциируемые с категорией сослагательного наклонения, частично сохранились в сербохорватском языке (*бих, би, би, бисмо, бисте, би*), где они также используются для оформления сослагательности, и в болгарском языке (*бих, би, би, бихме, бихте, биха*):

(1) Да сам на твом месту, не ***бих*** се у то ***мешао***. ((Если бы я был) на твоем месте, я бы в это не вмешивался.)

(2) Ако можех, ***бих дошъл*** (Если бы я мог, пришел бы).

В английском языке глагольная форма прошедшего времени маркирует категорию сослагательного наклонения в контекстах нереального условия и желания, совпадая с аналогичной формой индикатива за исключением глагола *be* в 1 и 3 лице ед. ч.: в этом случае используется форма *were*, что считается единственной сохранившейся в современном языке супплетивной морфологической формой субъюнктива (*If I were you*). *Were* восходит к формам староанглийского претеритного субъюнктива (конъюнктива) *wǣre* и *wǣren*, представленных в современном немецком языке в виде *wäre, wärest, wären, wäret* для маркирования той же категории. Условное наклонение (кондиционалис) выражается сочетанием глагола *would* и инфинитивом основного глагола, при этом *would* является прошедшей формой глагола *will*. О. Есперсен отмечает, что еще в 19 в. формы претерита использовались и в условном наклонении (*That were a pity! She were an excellent wife*.), о чем свидетельствует сохранившаяся в современном английском идиома *had better* в значении оптатива:

(3) You ***had*** better stay (Ты ***бы остался*** / Тебе ***бы остаться***) [12. P. 203].

О. Есперсен приводит еще один факт языковой диахронии, который подтверждает концептуальную параллель между сослагательным наклонением и семантикой пережитого опыта на примере семантической связи глагола

*would* и формой прошедшего времени: выражение *would rather*, маркирующее в современном английском грамматическое значение дезидератива (желательного наклонения), исторически имело форму *had rather* [12. P. 203]:

(4) I ***had rather*** not see him (Не ***видеть бы*** его).

Аналогичный принцип конструирования ирреальной темпоральности можно проследить в греческом языке, где сослагательное, условное и желательное наклонения образуются с помощью сочетания различных глагольных форм прошедшего времени (имперфект, аорист или плюсквамперфект) и частицы *θα*, маркирующей будущее время и этимологически связанной со значением желания [13]:

(5) ***Θα την αγόραζα*** αυτή την μπλούζα, αλλά δεν μου φτάνουν τα λεφτά (***Я бы купила*** эту блузку, но мне не хватает денег).

Ф. Палмер отмечает, что подобное различение реальности и ирреальности маркируется прошедшем временем в некоторых языках африканских народов. В частности, в ряде семитских языков Эфиопии и Эритреи глагольная форма кондиционалиса стоит в прошедшем времени, за счет чего конструируется значение ирреального условия. В языке билин для обозначения нереальных условий используется морфологическая парадигма форм глагольной референции к прошлому [14].

Тот типологический факт, что ряд форм с ирреальным значением включает морфему прошедшего времени во многих языках мира, объясняется поразному. Первая группа ученых склонна придерживаться функционально-семантического подхода и считать совпадение темпоральных форм ирреалиса и реалиса случаем омонимии. А.В. Исаченко подчеркивает, что форма на *-л* в значении сослагательного наклонения русского языка не выражает прошедшего времени, несмотря на то, что ее можно признать претеритной [15. С. 513]. В некоторых случаях, отмечает А.М. Пешковский, значение прошедшей формы глагола скорее связано с будущим временем [16. С. 482]. Со ссылкой на А.Н. Гвоздева и П.С. Кузнецова Г.Р. Кадырова [17] предлагает рассматривать сочетание частицы *бы* с причастием на *-л* в качестве исторически развившейся грамматической омонимии или «мнимой» формы прошедшего времени. Представляется, однако, что подобного рода подход, при котором связанные по форме и, главное, значению грамматические формы интерпретируются как не связанные между собой, искажает когнитивно-семантические механизмы функционирования и образования ирреалиса. Имеются данные, что форма сослагательного наклонения образовалась онтогенетически позднее реалисных форм. По этой причине можно предположить, что совпадение форм не является случайным: ирреалисные формы когнитивно и семантически производны от реалисных форм, поэтому точнее было бы говорить о случае распада полисемии, ср.: «Специализированные показатели контрафактичности[1] (в любой ее разновидности)

[1] В русскоязычной научной литературе используется также термин «контрфактуальность» и «контр(а)фактивность».

для языков мира нетипичны; как правило, в этой функции используются полисемичные глагольные показатели с иными исходными значениями» [2. С. 278]. Во многих контекстах прослеживается аналогия между прошедшим временем и ирреальностью. В частности, значение нереализованности, лежащее в основе ирреальной семантики глагольного имени, чаще всего выражается формой прошедшего времени[1], ср.: конъюнктив в форме плюсквамперфекта в немецком языке, аналогичный индикатив в форме простого прошедшего в английском языке и формапрошедшего времени в русском языке:

(6) Beinahe ***hätte*** ich in der Dunkelheit... Schlaf ***finden können*** [18. С. 12].

(7) I felt I almost *fell* asleep in the dark [18. С. 12].

Несмотря на то, что действие не было реализовано, вряд ли можно было бы отрицать наличие претеритной формы в данном случае: в переводном эквиваленте в русском языке речь также идет о нереализованном действии в прошлом (ср. «Я чуть было не уснул в темноте»). Во-вторых, среди функций имперфекта в других языках, например в болгарском, традиционно указывается функция едва не свершившегося действия в прошлом: ср. *За малко щях да те забравя* «Чуть не забыл про тебя» [19. С. 199].

В рамках логико-семантического подхода прошедшее время категорий реализа и ирреализа рассматривается в соотношении интенсионала и экстенсионала оформленного им высказывания. Исходя из этого, прошедшее время в значении ирреальности более субъективно и относительно, поскольку ориентировано на позицию говорящего и содержание его мыслей, нежели на объективное положение дел в действительности. Так, О. Есперсен объясняет особенность грамматического времени выступать в качестве маркера категории ирреального наклонения образностью. Прошедшее время может являться грамматическим средством воображения, и значение сослагательного наклонения О. Есперсен называет образным использованием грамматического времени [12]. Близка по духу идее образности концепция дифференциации грамматического времени Ф. Палмера, который разделяет настоящее и модальное настоящее, прошлое и модальное прошлое. В результате прошедшее время считается средством модальности, за счет которого говорящий формирует то или иное отношение к действительности [8. P. 201]. К. Шульц [20] также рассматривает ирреальную семантику претерита в рамках модальной логики. Утверждается, что различие между индикативом (реальностью) и кондиционалисом (ирреализом) в большинстве языков мира маркируется темпорально или аспектуально-темпорально. Во избежание двусмысленности автор использует термин «фейковая темпоральность» в отношении морфологических маркеров кондиционалиса, напоминающих по форме прошедшее время. Фейковая темпоральность используется не только для кондиционалиса, но и для широкого спектра ирре-

[1] Для языков, не имеющих форм плюсквамперфекта, это могут быть формы аориста, имперфекта или простого прошедшего времени.

альных наклонений, что, по мнению К. Шульц, свидетельствует об устойчивой когнитивной связи между семантической функцией темпоральных и ирреальных маркеров. Используя понятие «дейктического центра», автор показывает, что в случае индикатива дейктическим центром выступает момент речи, а в случае кондиционалиса дейктический центр становится модально-эпистемическим, представляющим собой набор альтернативных условий, при которых ожидания говорящего оказываются оправданными.

Существует гипотеза о тождественных дискурсивных функциях категорий прошедшего времени и ирреалиса. В.А. Плунгян [2] объясняет совмещение значений плюсквамперфекта и контрфактуальности (контрфактуального условия) дискурсивным компонентом значения дигрессии в значении плюсквамперфекта: «Нарративные употребления плюсквамперфекта…оказываются по своей дискурсивной функции практически идентичны показателю контрафактического условия: последний вводит такую ситуацию в альтернативном мире, которая должна была произойти раньше некоторых известных говорящему событий реального мира» [2. С. 288].

В когнитивной лингвистике отождествление прошедшего времени с ирреальностью объясняется с помощью метафоры расстояния. Существуют мнения, что прошлое в сознании человека всегда ассоциируется с чем-то отдаленным не только по времени, но и по степени актуальности и реальности. Так, М. Йоос и Д. Джеймс выделяют в значении прошедшего времени сему удаленности [5. P. 121; 7. P. 855], а Р. Лангакер использует обозначение «дистальный» для описания пространственной метафоры прошедшего времени [21. P. 855], Б. Данцигер и Е. Свитсер говорят о такой морфологической полисемии прошедшего времени, которая позволяет ему реализовывать значение не темпоральной, а эпистемической дистанции [9. P. 71–78]. Именно поэтому прошедшее-как-отдаленное переосмысляется в прошедшее-как-нереальное [22. P. 3; 23. P. 266].

Аргумент в пользу семантической деривации граммемы прошедшего времени по принципу метафоры «время-пространство», тем не менее представляется недостаточно обоснованным и точным. Предположение о метафорическом дистанцировании от актуального момента «здесь и сейчас» может быть логически верно в отношении как прошедшего, так и будущего времени: бывают события, которые произошли в *далеком прошлом*, и события, которые лишь произойдут в *далеком будущем*. Нет также причин утверждать, что в естественном языке уход в прошлое ассоциируется с процессом отдаления, а не приближения. Логико-семантический анализ темпоральной лексики в русском языке [24] показывает, что характер переживания времени зависит от точки зрения и от направления интенции субъекта, которого можно представить себе как путника, идущего по дороге жизни в том или ином направлении. Во многих случаях словообразовательная семантика отражает парадигму «традиционного пути», которая предписывает обращать взор в прошлое, а не в будущее: мы идем вперед и делаем следующий шаг,

т.е. *след*-уем проторенным путем, в-*след* за своими *пред*-ками или *пред*-шественниками, потому что они идут в-*перед*-и нас, а уже потом, после нас (т.е. позади) *след*-уют *потом*-ки [25. С. 11].

## 2. Когнитивные основы прошедшего времени: методология, теоретические предпосылки и гипотеза исследования

Исследование посвящено теоретическому изучению лингвокогнитивной связи категории прошедшего времени и ирреальности. Основным методом исследования служит когнитивно-семантический анализ типологических данных, заключающийся в том, что А. Е. Кибрик назвал «реконструкцией маркированности языковой формы» [26]. Грамматические категории, участвуя в организации познавательного опыта, позволяют воспроизводить некие универсальные, базовые паттерны мышления, основанные, главным образом, на сенсомоторном опыте взаимодействия с миром (восприятие внутреннего и внешнего, центральных и фоновых объектов, себя и других, ощущение контроля над действиями и т.д.) [27, 28]. Задача когнитивно-семантического анализа – выявить и описать подобные когнитивные функции грамматических форм и их межкатегориальные связи на примере нескольких языков.

Основанием исследования послужили факты, накопленные в области когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и психологии развития, а также теоретические обобщения о природе языковой семантики из таких дисциплин, как философия языка и эпистемология. Теоретико-методологической основой исследования послужил конструктивистский подход к языку как когнитивной деятельности. Центральными положениями этого подхода можно считать следующие эпистемологические предпосылки:

– язык – это способ формирования и организации познавательного опыта в процессе активного сенсомоторного (корпореального, телесного) взаимодействия человека с окружающим миром [27–31];

– формирование опыта подразумевает дифференциацию человеком собственных действий и действий других, в результате которой он начинает совершать качественно новые действия и/или координировать прежние действия по-новому [32. P. 9; 33. P. 55; 34. P. 9], приобретая новое и/или меняя прежнее миропонимание, мировидение и мировосприятие [35. P. 600; 36; 37];

– организация опыта включает процесс интеллектуального упорядочивания результатов действий по стадиям многоуровневого рефлексивного абстрагирования посредством мыслительных операций, совершаемых над объектами внимания [38, 39];

– языковые взаимодействия направлены на достижение большего контроля за изменениями внешней среды и внутренних состояний через «пассивную» адаптацию (отсутствие изменений в структуре действий) и «активную» адаптацию[1] (изменение структуры действий) [40].

[1] Ж. Пиаже называет эти функциональные процессы ассимиляцией и аккомодацией.

На основе данных положений объясним когнитивные функции категории времени в языке и сформулируем гипотезу о семантике альтернативы, отличающей формы прошедшего времени в нарративном дискурсе.

С когнитивной точки зрения время не имеет свойства заранее заданного условия существования, оно конструируются когнитивным субъектом в языковом семиозисе [25; 41. P. 82], позволяющем мысленно соотносить движения с перемещениями и говорить о последовательности меняющихся объектов восприятия [42]. Понимание темпоральной последовательности строится из понимания темпа движений собственного тела в процессе взаимодействия с окружающим миром. Время может осмысливаться как самостоятельное движение наблюдателя относительно других объектов, а может пониматься как независимое движение объектов относительно наблюдателя. Эти две модели концептуализации корпореального опыта лежат в основе темпоральной метафоры «время есть относительное движение» [28. P. 183], из которой складывается категория времени в языке.

По сравнению с другими формами грамматического конструирования темпорального опыта – настоящего и будущего – претерит имеет ряд когнитивных особенностей. Во-первых, референция к прошлому объективирует то, что отсутствует в пределах непосредственного чувственного восприятия[1] и не должно меняться под воздействием этого восприятия[2]. Это придает грамматической семантике прошлого опосредованность, вторичность, производность: на первый план выходит не наблюдение субъекта, а интерпретация этого наблюдения. Отчасти этим можно объяснить свойство фальсифицируемости прошлого (отсюда попытки его «переписать», или «изменить»). Интересно, что в ситуации неопределенности и потери контроля проигрывание прошлого в воображении (эвристика моделирования) зачастую приводит к его искажению [43], т.е. ошибкам в координировании наблюдателем своей точки зрения с точкой зрения других наблюдателей. Исходя из этого, второй познавательной особенностью прошедшего времени (преимущественно в нарративном дискурсе) является то, что оно служит средством координации и реляционного совмещения различных перспектив одного наблюдателя или разных перспектив нескольких наблюдателей. Когда наблюдатель повествует, т.е. интерпретирует свои наблюдения «задним числом», он осознает себя в разных точках, или ракурсах наблюдения, координируя их между собой и делая их совместимыми друг с другом. Когда наблюдатель «интерпретирует интерпретации» другого наблюдателя «задним числом», он координирует свой ракурс наблюдения с ракурсом другого наблюдателя, делая их совместимыми друг с другом.

Данные особенности прошедшего времени как нарратива позволяют этой категории участвовать в более сложной форме организации темпорального опыта, при которой субъект осознает не столько объективность или

[1] т.е. это не настоящее, а значит, уже не в восприятии того, что есть здесь и сейчас.

[2] т.е. это не будущее, а значит, это не должно измениться под влиянием восприятия того, что есть здесь и сейчас.

субъективность времени, сколько его гипотетичность и интерсубъективность. Это проявляется в признании реляционности, альтернативных видений повествуемой ситуации, в координировании различных перспектив, относительно которых осуществляется ее конструирование. При солипсическом понимании ситуации субъект как траектор [44] движется по заданному движущей силой (т.е. причиной) направлению, подчиняясь ходу времени. При децентрированном, реляционном осмыслении субъект проявляет некоторую самостоятельность и независимость, он начинает «осознавать себя наравне с другими» [45. P. 22–23], он не столько движим по своей траектории, сколько выбирает траекторию своего движения исходя из разных точек зрения (других траекторов).

Сравним, например, усвоение ребенком грамматического значения директивности (одного из разновидностей ирреальности), маркируемого различными формами ирреализа. Простая форма повелительного наклонения (*Встань!*) эмпирически обусловлена, т.е. ограничена ситуацией непосредственного взаимодействия, поэтому она легко и быстро усваивается детьми на стадии формирования сенсомоторного интеллекта (1–3 года). Необходимость координировать множественные перспективы, например при пересказе или моделировании ситуации (*Я скажу, чтобы он встал. Я сказал, чтобы он встал. Я говорю, чтобы он встал.*), требует более высокого уровня абстрагирующей деятельности и включает оперирование уже семантикой футуральной направленности, выраженной в форме, совпадающей с претеритом. Такое синтаксическое конструирование становится когнитивным достоянием ребенка на более поздней стадии языкового развития [46. P. 270].

Таким образом, гипотеза исследования заключается в том, что *способность категории претерита участвовать в конструировании ирреальной семантики обусловлена смысловым компонентом альтернативности, являющимся результатом рефлексивно-абстрагирующей деятельности субъекта, координирующего различные перспективы и точки зрения на описываемое событие в ситуации неопределенности.*

### 3. Значение альтернативности прошедшего времени

Существует мнение, что в основе грамматического значения прошедшего времени лежит признак диссоциации говорящего от ситуации, его абстрагирования от актуального момента «здесь и сейчас». В частности, просьбы и вопросы, оформленные прошедшим временем (I ***wanted*** to ask you. ***Исках*** да Ви попитам. ***Хотел*** Вас спросить. I ***was just wondering*** if it is okay. What ***was*** your name, please? When ***did*** you say the plane ***was*** due?), звучат вежливее, чем просьбы с аналогичным предикатом в форме настоящего времени (I ***want*** to ask you. ***Искам*** *да Ви попитам.* I ***wonder*** if it is okay), потому что использование прошедшего времени подразумевает возможность того, что пожелание или недоумение больше не актуальны на момент речи [6. P. 217], ведь прошлые намерения и желания – это такие намерения

и желания, которые могли не реализоваться (см. также [47]). Продолжая рассуждения лингвиста, стоит добавить, что эффект вежливости в данном случае создается за счет того, что прошедшее время, в котором конструируется просьба или вопрос, дает слушателю некую свободу выбора: наравне с положительным ответом на просьбу и вопрос говорящего для слушателя существует «вполне законная» отрицательная *альтернатива*, которой слушатель вправе воспользоваться. Таким образом, ирреалисные формы прошедшего времени в анализируемых языках (русском, английском и болгарском) участвуют в образовании категории паллиатива.

О подобном существовании альтернативы в модальной семантике прошедшего времени говорит и Дж. Байби. Анализируя модальные глаголы в ирреальных контекстах (*could, would*), она приходит к выводу, что прошедшая форма этих глаголов зачастую несовместима со значением полностью реализованного действия [48. P. 506–508]. Сравним следующие предложения:

(8) A. I ***could*** catch the bus right now (Я мог бы успеть на автобус сейчас).
B. I ***could*** catch the bus if I wanted to run fast then (Я мог успевать на автобус, если я хотел быстро бежать).
C. I asked him if he ***could*** come (Я спросил, может ли / мог бы он приехать).
D. I ran fast and I ~~could~~ managed to catch the bus (Я бежал быстро и смог успеть на автобус).
E. I asked him and he ~~could come~~ came (Я его попросил, и он приехал).

В предложениях A – C модальный глагол в форме прошедшего времени создает такую «эпистемическую рамку» для действия, выраженного смысловым глаголом, в которой неопределенность существования этого действия является единственно возможным способом существования. Иными словами, вопрос о том, имело (имеет) ли место описываемое событие или нет, теряет смысл в данном коммуникативном контексте, поскольку сама альтернатива онтологического статуса становится логической посылкой для высказывания. В примерах D – E модальный глагол *could* невозможен, поскольку известно, что действие произошло. В тех ситуациях, когда прошедшая и настоящая формы глагола оказываются взаимозаменяемы (как, например, в 8A), прошедшая форма, по словам Дж. Байби, открывает больше возможностей для выбора и звучит менее категорично: ср.

(9) A. You can / will catch the bus. (Ты можешь успеть на автобус / ты успеешь на автобус.)
B. You ***could*** / ***would*** catch the bus. (Ты мог бы успеть / ты бы успел на автобус.)

Лексикализация прошедшего времени, произошедшая с некоторыми модальными глаголами английского языка, является еще одним фактом языковой диахронии, отчасти подтверждающим выводы Дж. Байби. Известно, например, что грамматическая форма претерито-презентного глагола *should* функционирует как отдельная глагольная лексема, несмотря на то, что она исторически образована от соответствующего глагола *shall* в настоящем времени. Подробный семантический анализ двух глаголов, проведенный

Д.Н. Новиковым и Н.О. Катаевой на лексикографическом материале современного английского языка, показывает, что *shall* связан со значением долженствования, исходящим из решимости исполнить какое-либо действие или готовности принять неизбежность какого-либо события, в то время как *should* подразумевает ожидание или ожидаемость одних действий и событий по сравнению с другими, менее правильными, корректными, разумными, предсказуемыми и т.д. [49]. Нельзя также игнорировать многочисленные свидетельства авторов прескриптивных грамматик английского языка о более высокой степени сомнения и некатегоричности в значении глаголов *should*, *might* и *could* по сравнению с соответствующими формами настоящего времени [50. P. 137; 51. P. 211; 52. P. 131]. М. Хьюингз, например, так объясняет разницу между употреблениями глаголов *can* и *could* для описания возможности в настоящем:

(10) A. It ***could*** be expensive to keep a cat (= it may or it may not be expensive / может дорого, а может и недорого).
B. It ***can*** be expensive to keep a cat (= it sometimes is / бывает, дорого) [53. P. 30].

Иными словами, в примере 10A говорящий допускает альтернативное видение ситуации, ставя под вопрос сам факт ее существования, в то время как в 10B говорящий сообщает о частотности этой ситуации, уже исходя из предпосылки ее существования.

Таким образом, модальная семантика прошедшего времени в английском языке ассоциируется с неопределенностью в ситуации еще не сделанного выбора, что подразумевает, с одной стороны, наличие разных, зачастую противоречивых точек зрения, альтернатив и опций, а с другой стороны, ощущение свободы действий и меньшего давления внешних обстоятельств.

## 4. Когнитивный анализ ирреальной семантики прошедшего времени в типологическом ракурсе

### *4.1. Ирреальное прошлое в функции смягчения (паллиатива)*

Случаи употребления ирреального наклонения для создания эффекта вежливости типологически закономерны и наблюдаются не только в русском и английском, но и во многих других языках мира [54–56]. Например, в болгарском языке частой разговорной формулой является высказывание *Бих искал(а)…* «Я бы хотел(а)…», употребляемое говорящим при обращении с какой-либо просьбой к слушающему: ср. болг. *Бих искала да проверя дали има малък колет от България* (Я бы хотела уточнить, пришла ли посылка из Болгарии). Отмечается, что в таких случаях форма индикатива может использоваться наравне с формой ирреалиса без ущерба для смысла [57], из-за чего данное контекстуальное значение ирреалиса называется диалогически реальным [4, 58], что создает некоторое концептуальное противоречие. На наш взгляд, такая связь глагольных наклонений может иметь холи-

стическое объяснение, основанное не столько на частных особенностях коммуникативного контекста, сколько на общих семантических отличиях грамматических форм. Например, если исходить из выдвинутого предположения о том, что ирреалисная форма времени, омонимичная в синхронии (но производная в диахронии) форме прошедшего времени в русском языке, является способом конструирования альтернативного видения ситуации сквозь призму пережитого опыта, то становится понятным, почему в конструкциях 1-го лица «диалогически реальное употребление» ирреалиса невозможно с глаголами категорического побуждения или решительного поведения:

(11) А. *Я **бы (по)просил*** не шуметь.

В. **Я **бы (по)требовал*** не шуметь.

В тех ситуациях, когда говорящий смягчает просьбу или предложение с помощью сослагательного наклонения, он дает понять, что у его собеседника есть выбор для потенциального решения. Данное значение альтернативности конструируется за счет формы прошедшего времени глагола, использующейся в значении сослагательного наклонения. Если говорящий намеренно лишает своего собеседника возможности выбора посредством категоричного перформатива (например *Я объявляю вам войну*), то вполне логичным кажется тот факт, что ирреальное толкование намерения несовместимо с коммуникативной ситуацией.

При сравнении форм прошедшего времени и отдельных форм наклонения в болгарском языке[1] также обнаруживаем одно существенное прагматическое отличие. Использование претеритных форм по сравнению с формами условного наклонения диалогически обусловлено. Так, русское предложение «Чтобы ты сказал, если бы я попросил тебя стать моим крестным?» может выражать как простой вопрос, когда говорящий интересуется реакцией собеседника, так и вежливое предложение стать крестным. В болгарском языке в первом случае используется претеритная форма ирреалиса, во втором – специальная форма условного наклонения, которая не совпадает по форме с прошедшим временем:

(12) А. Какво ***щеще*** да кажеш, ако те бях ***помолил***да ми станеш кум?

В. Какво ***би казал***, ако те ***помолех***да ми станеш кум?

Условное наклонение с участием претеритной формы придает высказыванию более диалогическую ориентацию, помогая говорящему учитывать иное мнение слушателя и предоставить ему больше свободы для выбора ответного действия (не обязательно сказать «да» или «нет»). Напротив, специальная форма ирреалиса связана с прагматикой воздействия, нежели взаимодействия, поскольку ориентирует высказывание на линейную ответную реакцию со стороны слушателя.

[1] Особенность болгарского условного и сослагательного наклонений в том, что для их передачи используются как формы прошедшего времени (имперфект или прошедшее предварительное в протазисе и будущее в прошедшем или будущее предварительное в прошедшем в аподозисе), так и формы собственно наклонения, при этом в состав последних также входит граммема прошедшего времени глагола.

При сравнении английских высказываний с конструкциями условного типа отмечается особенность ирреальных наклонений (кондиционалиса и субъюнктива II), оформляемых претеритными граммемами, выполнять иллокутивную функцию вежливого, непрямого речевого акта, минимизирующего угрозу лицу адресата [59. P. 133]. Реалисные формы в аналогичном контексте звучат прямолинейно, «ставя вопрос ребром» и не подразумевая диалогической альтернативы:

(13) A. What ***would*** you say if I ***asked*** you to become godfather?
B. What ***will y***ou say if I ***ask*** you to become godfather?

### 4.2. Формы прошедшего времени и категория эвиденциальности

В болгарском языке имеются отдельные формы – формы причастия на *-л*, исторически восходящие к праславянскому плюсквамперфекту, формирующие ирреалисную категорию пересказывательного наклонения и отсутствующие в русском и английском языках. Данные формы (*чел, казал, имело* и т.д.) максимально приближены к формам прошедшего времени глагола в современном русском языке (*читал, сказал, имел*), представляя собой реликты более ранней типологии болгарского языка. В современном болгарском абсолютные (простые) формы прошедшего времени формируются без участия суффикса *-л* (*четох, говорих, беше* и др.) [60–62]. В случае, если говорящий был свидетелем описываемых событий, используются так называемые свидетельские формы прошедшего времени – аорист и имперфект. Если говорящий не был свидетелем описываемых событий, используются формы пересказывательного наклонения, прежде всего в исторических повествованиях и сказках.

Некоторые формы пересказывательного наклонения участвуют в образовании категории адмиратива и дубидатива. Формы адмиратива используются в том случае, когда говорящий является «удивленным» свидетелем событий, которые часто разворачиваются прямо перед его глазами, «здесь и сейчас»:

(14) *Гледай ти,* ***завалял*** *сняг* (Смотри-ка, снег пошел).

При употреблении пересказывательных форм, образующих категорию адмиратива, говорящий в момент речи приходит к неожиданному заключению, выражая удивление. По сравнению с нейтральными формами индикатива, адмиратив выражает расхождение с ожидаемой реальностью. Такое удивление можно выразить и с помощью изъявительного наклонения, однако в таком случае говорящий, как правило, не сможет выразить расхождения ожиданий с реальностью [63. С. 168]. Ср. индикатив (15) и адмиратив (16) в следующих примерах:

(15) *Ах, колко* ***е*** *красива!* (Ах, как она красива!)

(16) *Ах, колко* ***била*** *красива!* (Ах, как она красива! = Боже, глазам не верю).

Формы дубидатива, всегда содержащие в своем составе одну из форм вспомогательного глагола *бил*, выражают не только сомнение, но и край-

нюю степень скептического отношения к описываемым событиям. Например, сложную болгарскую форму *Ти си бил щял да си писал* говорящий может употребить в том случае, когда он сомневается в проделанной работе адресата. На русский язык это сомнение чаще передается разговорными лексическими средствами: ср. *Ну конечно, писал ты. Два раза ты писал. Ага, писал он* и т.д. Несмотря на использование форм причастия прошедшего времени в пересказывательном наклонении, одна из его функций – референция к настоящему, ср.: *Аз дори не я познавам! – Не я познавал! Цял свят я познава, той не я познавал!* «Я даже ее не знаю. – Не знаю/не знает он! Весь свет знает, а он не знает». Чем выше степень сомнения говорящего в реальности действия, тем более «отдаленная» по времени форма пересказывательного наклонения используется: в примере 15 используется имперфектное причастие на *-л*, в примере 16 – сочетание *-л* формы глагола *съм* и имперфектного причастия, ср.:

(17) *Той* ***пишел*** *най-добре в класа.* (Якобы он пишет лучше всех в классе.)

(18) *Той* ***бил пишел*** *най-добре в класа* (Не верю, что он пишет лучше всех в классе / Сомневаюсь, чтобы он писал лучше всех в классе).

Таким образом, формы пересказывательного наклонения ставят под сомнение фактуальность прошлого, указывая на его гипотетичность и альтернативную сценарность. При этом усложнение грамматической формы ирреального прошлого связано с переходом на более высокий уровень рефлексивно-абстрагирующего упорядочивания темпорального опыта, что проявляется в признании субъектом альтернативных и зачастую несовпадающих мнений и точек зрения на описываемое событие. Интересно, что в данном случае метафора дистанцирования как отражение более пиететного отношения к слушающему (например, в вежливых просьбах) не работает: чем сложнее форма наклонения, тем выше критичность и сомнение говорящего в истинности сообщаемого.

В русском языке традиционно не выделяют пересказывательное наклонение, однако в ряде случаев формы прошедшего времени напоминают по своей функции болгарский дубидатив. Подобного рода высказывания несут оттенок субъективной модальности и являются конвенционально-ироническими (термин Е.В. Падучевой). Формы прошедшего времени в них являются средством выражения коммуникативного намерения говорящего: ср. «К сфере субъективной модальности относятся те языковые средства в составе данного высказывания, с помощью которых говорящий характеризует свое отношение к этому самому высказыванию – к любому его аспекту или части: к его содержанию, форме, степени достоверности…» [4. С. 299]:

Только этого недоставало! (= не достает)

Тебя тут только не хватало! (= не хватает)

Так он тебе и сказал! (=н е скажет)

Так я ему и поверил! (= не верю)

Так они и дали тебе эту премию! (= не дадут) [4. С. 305].

В английском языке соответствующие оттенки грамматического значения дубидатива передаются иными средствами, в число которых входят

формы прошедшего времени, служащие индикатором эпистемического разрыва между говорящим и субъектом, с точки зрения которого описывается та или иная ситуация. Пересказывая чьи-либо слова, говорящий может совершать переход от своей перспективы к иной посредством перехода от одной темпоральной области к другой, тем самым подчеркивая, что за достоверность сообщаемой информации он не ручается (*You said your name* ***was*** *Mike.*) [64. P. 201].

### 4.3. Формы прошедшего времени и ирреальная семантика побуждения и желания

Одним из наиболее типологически универсальных употреблений сослагательного наклонения подчинительного типа считается так называемое значение директивности после предикатов с сентенциальным актантом (глаголов или выражений со значением манипуляции, побуждения, совета, пожелания). В русском языке после некоторых предикатов использование ирреально-директивного инфинитива вместо формы на *-л* обусловлено кореферентностью субъектов главного и зависимого предложений:

(19) А. Я настаиваю на том, ***чтобы поехать*** на праздник.
В. Я настаиваю, ***чтобы*** он ***поехал*** на праздник.

В английском и французском языках при кореферентности используется оборот с неличной формой глагола, который не относится к категории ирреалиса; при отсутствии кореферентности используется сослагательное наклонение с формой глагола, не совпадающей с прошедшим временем:

(20) A. I insist on *going* to the party.
B. I insist that ***he go*** to the party.

(21) A. J'insiste pour y *aller*.
B. J'insistepourqu'ils'en***aille***.

Тенденцию к ирреальному конструированию ситуации без прошедшего времени глагола в контексте волеизъявления или повеления (19А, 20В, 21В) можно объяснить эгоцентричным стремлением подчинить, подстроить под свое видение динамику изменений окружающего мира. В мыследействии субъекта одна последовательность событий (*he goes, il va*), вызывающая отрицательную реакцию, абстрагируется в другую (*he go, il aille*), более подходящую его потребностям «здесь и сейчас». Однако в отличие от контрфактуальногоили желательного значения ирреальности, выстраиваемого с помощью формы прошедшего времени глагола, директивная ирреальность как абстракция последовательности событий не переходит на более высокий уровень рефлексии и не приводит к новому, реляционному пониманию мира, основанному на выделении альтернатив. Конструирование времени происходит линейно: динамика темпоральных изменений отождествляется с динамикой движения вперед, когда направление внимания на когнитивные стимулы и порядок смены объектов восприятия не противоречат друг другу. Противоречие возникает лишь в эмоционально-оценочном отноше-

нии говорящего к объектам внимания и восприятия, поскольку при ирреальном толковании ситуации он изменяет ее оценочный знак и перестраивает из отрицательного эмпирического опыта положительный идеализированный (*he does not go* → I insist *he go*) (см. [65])[1].

Конструируя ситуацию посредством неличных форм глагола, без ирреального компонента (19A, 20A, 21A), говорящий не называет субъекта посещения праздника и, соответственно, не фокусирует на этом внимание. Из предложения следует, что на праздник может пойти либо говорящий, либо говорящий совместно с кем-то. Такая «презумпция первого лица» свидетельствует о том, что говорящий на предпринимает усилий по координированию противоположных оценочных перспектив на описываемое действие, поскольку этих конфликтующих перспектив попросту нет. Таким образом, неличные формы глагола не только исключают семантику альтернативы, свойственную прошедшему времени, но и не подразумевают диалогическую координацию несовпадающих точек зрения на ситуацию.

Ирреальное толкование ситуации носителями русского языка посредством формы прошедшего времени (19B) является особым способом оперирования познавательным опытом в контексте повеления и директивной установки. Сослагательное наклонение с формой на *-л* указывает на то, что говорящий не рассматривает желаемое действие как единственно возможный для себя вариант будущего, а допускает его альтернативность, связанную, вероятно, с противоположной точкой зрения на это действие субъекта, к которому оно обращено. В английском языке встречаются случаи, когда после определенных предикатов пожелания *it's high time, I'd rather, I'd prefer* допускается употребление как субъюнктива I (презентного субъюнктива), субъюнктива II (претеритного субъюнктива), так и неличной формы глагола, при этом в русском языке такое разграничение между формами ирреалиса можно провести за счет инфинитивной и финитной конструкций в значении оптатива[2] и дезидератива:

---

[1] Другим способом линейного конструирования эмоционального отношения к опыту в попытке его идеализировать положительным образом можно считать редкую форму ирреального наклонения, встречающегося в английском и польском языках, называемую А. Хольвоетом «фактивным кондиционалисом». Он употребляется в зависимой клаузе сложноподчинённого предложения, в главной части которого используется оценочный предикат (*pity, shame*), выражающий удивление или недоумение относительно состоявшегося события: ср. It's a pity that the tickets should have been wasted [66. P. 4]. Фактивный кондиционалис плохо совместим с положительными оценочными предикатами: ср. *It's great that you should have won the lottery.

[2] Под оптативом понимается грамматическая категория, «которая используется для выражения… желания говорящего относительно реализации некоторой ситуации P, участником которой может быть 1/2/3 лица, причем реализация ситуации P лежит вне области контроля говорящего» [67. С. 9]. В русском языке маркерами оптативности являются независимые предложения с формой сослагательного наклонения, инфинитивные предложения с частицей *бы*, частицы *хоть бы*, *вот бы*, *если бы*, *только бы*, *лишь бы*, *пусть бы*, безглагольные предложения с частицей *бы* [68. С. 174].

(22) A. It's high time you ***go*** to bed. (Пора ***бы*** тебе ***ложиться*** спать. ~ Тебе ***бы*** спать пора ***ложиться***.)

B. It's high time you ***went*** to bed. (Пора ***бы*** тебе ложиться ***спать***. ~ ***Ложился бы*** ты спать, уже пора.)

C. It's high time for you *to go* to bed. (Пора тебе *ложиться* спать.)

Есть мнение, что русская инфинитивная конструкция в значении оптатива с прямым порядком слов, как в 22A, помогает выразить смысл того, что субъектами желания являются и говорящий, и номинативный субъект, а в конструкции с прошедшим временем 22B в качестве носителя оценки выступает только говорящий [69. С. 153]. В целом это предположение кажется убедительным, однако стоит отметить, что необязательно желания субъектов должны совпадать, ср.:

(23) A. Тебе ***бы*** спать ***ложиться***, а ты не хочешь.

B. Тебе ***бы*** спать ***ложиться***, а я хочу, чтобы ты еще со мной поговорил.

C. Тебе ***бы*** спать ***ложиться***, но ты и я хотим еще поговорить.

D. ****Ложился бы*** ты спать, а ты не хочешь / а я хочу, чтобы ты еще со мной поговорил / но ты и я хотим еще поговорить.

Как видно из примеров 23A – C, желания субъектов по отношению к действию, выраженному инфинитивным предикатом, могут не просто не совпадать, а отсутствовать как таковые. Более уместным в этой связи было бы предположить, что данная форма ирреализа помогает создать смысл предписания, необходимости и даже неизбежности, которой говорящий вынужден подчиниться, поскольку этот вариант развития событий видится им как более благоприятный, чем то, что наблюдается «здесь и сейчас». Инфинитивная форма глагола в конструкции сослагательного наклонения в данном случае связана с линейным конструированием темпоральной динамики, удовлетворяющей адаптивным потребностям говорящего благодаря изменению оценочного отношения к ситуации. Напротив, прошедшая форма глагола с ирреальной семантикой выдвигает на передний план перспективу говорящего как субъекта желания и делает его более независимым от внешних обстоятельств и самостоятельным «конструктором своей реальности». Здесь говорящий не подчиняется ходу времени и смене событий, а подчиняет их себе, конструируя ситуацию исходя из собственного видения. Если инфинитивная форма может подразумевать что-то известное участникам ситуации (необходимость ложиться спать ввиду объективных причин), то прошедшее время привносит новую и даже неожиданную перспективу (субъективное решение говорящего о необходимости ложиться спать). Несмотря на то, что такая форма желательного наклонения в прагматике высказывания может звучать резко и, по сути, не оставляет выбора для собеседника, с ее помощью говорящий осуществляет свободу выбора в конструировании своей реальности так, как он ее видит исходя из мыслимых альтернатив.

Рассмотрим некоторые случаи употребления сослагательного наклонения русского языка в подчиненных предикациях, которые некоторые лингвисты называют формальным показателем синтаксической зависимости

глагола, затрудняясь найти им объяснение с опорой на грамматическую семантику ирреальности [70, 71]. Так, после глаголов побуждения *добиться* и *заставить* сослагательное наклонение, маркируемое формой глагола на *-л*, выражает действие, которое не мыслится как нереальное или невозможное, более того, может быть уже реализовано. Сопоставим варианты употребления ирреалиса, индикатива и нефинитных форм, чтобы проанализировать семантическое различие, которое создается за счет прошедшей формы глагола:

(24) A. Я добьюсь и выиграю апелляцию [72].

B. Я добьюсь, ***чтобы*** мы ***выиграли*** апелляцию.

C. Я его заставлю, ***чтобы*** он со своими лайдаками порядок мне ***навел***!» – яростно думал Валько, прыгая с края одного понтона на край другого, сбоку от двигавшихся по наплавному мосту машин (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)) [72].

D. Я его заставлю порядок мне навести.

Представляется, что примеры с формой индикатива звучат более категорично и безапелляционно, чем аналогичные примеры в ирреалисе. Это может быть связано не только с твердым намерением говорящего изменить некоторое положение дел, но и с отсутствием каких-либо видимых сложностей в осуществлении будущих действий. Прошедшая форма, напротив, может подразумевать некоторый опыт взаимодействия с миром, в результате которого описываемые ситуации (апелляция и наведение порядка) преподносятся как *проблемы*, решение которых затруднено, по всей видимости, из-за альтернативных и конфликтующих точек зрения.

Рассмотрим некоторые случаи употребления ирреальных конструкций, оформленных претеритом, в значении дезидератива после определенных предикатов желания. В русском и английском языках конструкции с глаголами желания *хочу* и *wish* допускают либо сочетания с инфинитивом, либо с ирреалисом [73]. Ирреальное конструирование желаемой ситуации подчеркивает ее проблемность из-за альтернативных позиций, обстоятельств, участников:

(25) A. Я хочу, ***чтобы*** он ***выиграл*** соревнование (а никто другой)[1].

B. Я хочу выиграть соревнование ~~(а никто другой)~~.

(26) A. I wish ***I could*** make a complaint (but it's too hard).

B. I wish to make a complaint ~~(but it's too hard)~~ [74].

Перечеркнутый шрифт указывает на то, что предлагаемое уточнение, которое было логически совместимо с ирреальной семантикой предиката, оказывается несовместимым с семантикой того же предиката в форме реалиса.

Синонимия глагольных наклонений отмечается после желательного предиката *мечтать* [67], который сочетается как с индикативом в будущем и настоящем времени с союзом *что* (*Мечтаю, что она выйдет замуж.*), так и с сослагательным наклонением с союзом *чтобы* (*Мечтаю, чтобы она вы-*

[1]«Хочу, чтобы он выиграл». Батербиев болеет за мексиканца в бою Альварес – Ковалев. URL: https://prosports.kz/news/420722

*шла замуж*.). Тем не менее более детальный семантический анализ примеров из Национального корпуса русского языка показывает, что глагол *мечтать* в конструкции с индикативом больше ассоциируется со значением «планировать, предвосхищать, видеть как», нежели со значением желательности «хотелось бы, если бы только, вот бы»:

(27) Стремлюсь в Москву, к работе, хочу вцепиться в новое произведение, мечтаю, что оно *будет* прекрасным [72].

(28) Мечтаю, что недели три *пробуду* в полном отдыхе, а там – опять за работу [72].

(29) Я все мечтаю, ***чтобы*** кто-нибудь из моих детей ***пошел*** в медицину, но пока никто туда не идет [72].

Это косвенно свидетельствует о том, что форма прошедшего времени представляет собой способ конструирования различных опций развития событий для рефлексирования над выбором одной из них, что помогает достичь нового понимания реальности «здесь и сейчас». Настоящее или будущее время глагола, как правило, ориентировано на более линейное восприятие и осмысление событий.

### 4.4. Формы прошедшего времени и категория апрехенсива

Ирреальное прошедшее время во многих языках мира используется для формирования такой категории, как апрехенсив, выражающей беспокойство о возможности нежелательной ситуации. Апрехенсивное значение имеет два фокуса – модально-оценочный, связанный с сообщением о гипотетической ситуации и несущий отрицательную оценку, и эмоциональный, обусловленный опасением по поводу наступления нежелательной ситуации [75. С. 139]. В русском языке «имеется набор неспециализированных форм, способных выражать данную семантику. Наиболее регулярно апрехенсивное значение передается конструкцией *Как бы не* + глагол сов. вида в форме на *-л* или инфинитиве; в зависимом употреблении встречается в основном после предикатов опасения» [76. С. 1]. В конструировании семантики опасения могут также участвовать индикативные формы:

(30) A. Я боюсь, как ***бы*** не ***упасть***.
B. Я боюсь, как ***бы*** он не ***упал***.
C. Я боюсь, что я упаду / он упадет.

В соответствии с нормами грамматики русского языка, в примере 30A субъекты придаточной части с инфинитивом и главной части предложения (местоимения первого лица в роли экспериенцера) должны быть кореферентны. Напротив, употребление формы прошедшего времени в придаточной части предложения 30B предполагает соотнесенность с субъектом, не совпадающим с субъектом главной части. Индикатив в значении опасения (30C) не связан с подобными синтаксическими ограничениями и может допускать любую соотнесенность. Можно предположить, что данные отличия обусловлены тем, что говорящий по-разному воспринимает и толкует пред-

мет своего опасения. В первом случае причина нежелательного действия заключается в некой внутренней силе, которая направляет каждый следующий шаг субъекта и над которой он пытается установить контроль, прежде всего, на эмоциональном уровне. Восприятие ситуации в данном случае можно назвать эгоцентричным, поскольку ее изменение прогнозируется субъектом исходя из эмоционального отношения к результату собственных действий, ответственность за которые он с себя снимает, давая понять, что на какой-то момент не он управляет ими, а они управляют им (я упаду → это плохо для меня, но я на это повлиять не в силах → я этого боюсь). В ином случае (30В) говорящий осознает зависимость между действиями других, образующими для него новую модальность бытия, или гипотетическую реальность, и своим отношением к этим действиям. Восприятие ситуации в этом модально-оценочном фокусе апрехенсива можно назвать реляционным, поскольку субъект признает себя частью межсубъектных отношений, при этом причина нежелательного действия для него не важна (он упадет → это плохо для него, а значит, и для меня и/или других → я этого боюсь). В случае индикатива говорящий вновь выдвигает на передний план причину опасения, однако связывает ее с внешними, объективными обстоятельствами, над которыми он не властен. Реляционный фактор здесь оказывается неважным (он упадет / я упаду → это плохо для него / меня → я этого боюсь → я упаду / он упадет, потому что «так получится», на это повлиять нельзя).

Структура мыследеятельности при конструировании значения апрехенсива может варьироваться. В английском языке после предикатов типа *worried, concerned, anxious, fear, afraid* возможен ирреалис с союзом *lest*, который нейтрализует логическое и грамматическое отрицание предиката, формально не являясь его отрицанием. В придаточной части используется либо предположительное наклонение, либо субъюнктив I. При толковании ситуации в реалисе возможны индикативные глагольные формы:

(31) A. I am afraid lest I (should) fall.
B. I am afraid lest he (should) fall.
C. I'm afraid that I/he will fall.

Как видно из примеров 31А – В, ирреальная семантика апрехенсива может не оформляться претеритной формой глагола. Это, вероятно, обусловлено тем, что говорящий склонен связывать нежелательное действие с неконтролируемой внутренней силой, довлеющей на субъекта и не являющейся частью межсубъектных взаимоотношений (он упадет / я упаду → это плохо для меня (и него), но я на это повлиять не в силах → я этого боюсь). Говорящий буквально снимает с себя ответственность за малоконтролируемое нежелательное действие (а в некоторых случаях может признавать себя пострадавшим от этого действия, как, например, в апрехенсиве придаточных цели: *I was afraid to open the door lest he should follow me*) и отстраняется от ситуации. Данное предположение о дистанцировании говорящего от предмета своего опасения подтверждается тем, что узус частицы *lest* в английском языке характерен для официального стиля.

В болгарском языке апрехенсивное значение передается сочетанием частиц *да не би*, которые можно рассматривать как застывший апрехенсивный маркер. В данном случае «частица *би* – наследие предшествующего состояния, допускавшего форму сослагательного наклонения после старославянского *да*. Показатель кондиционала имеет здесь застывшую форму 2–3 л. ед. ч.» [76. С. 2]. Ср.:

(32) A. Страхувам се да не ***падна*** [77].
B. Страхувам се да не ***би*** да *ме* ***види*** гол [78].
C. Страхувам се че ще ***падна*** / ***падне*** [79].

В соответствии с нормами болгарской грамматики [64] местоименная нулевоподлежащность предполагает отсутствие эксплицитного выражения субъекта в поверхностной структуре предложения, поэтому кореферентность или ее отсутствие передаётся глагольными окончаниями в главном и в придаточном предложениях. В отличие от русского языка в болгарском отсутствует отдельная глагольная форма инфинитива, однако разница в значении примеров 32A и 32B имеется. Пример 32A характерен для разговорной речи и поэтому предполагает более непосредственную вовлеченность в описываемое действие. Данная конструкция представляет собой либо сокращенный вариант конструкции 32B, либо синтаксический контаминант побудительного наклонения (*Да не падна*) и конструкции 32B. Тенденция к синтаксическому сокращению, по-видимому, обусловлена бóльшим опасением говорящего относительно падения по сравнению с примером 32B, что связано с семантикой превентивного аутореферентного императива *Да не падна*, произносимого, как правило, в эмпирически подкрепленной ситуации, т.е. при вполне реальной вероятности упасть. Пример 32B, оформленный частицей *би*, связанной с семантикой прошедшего времени, типичен для более формальной речи и предполагает бóльшую дистанцированность от предмета опасения, что можно объяснить стремлением говорящего снять с себя ответственность за нежелательное действие (аналогично ситуации 31B). Пример 32C стилистически не маркирован и выражает высокую степень опасения за негативный исход. Подобно тому, как в русском языке индикатив предполагает неизбежность исхода событий (30C), в болгарском форма будущего выражает максимальную степень уверенности говорящего в том, что негативно оцениваемое событие или действие произойдет, при этом источником опасений выступают внешние, объективные обстоятельства.

## Выводы и заключение

Типологическая взаимосвязь категорий прошедшего времени и ирреального наклонения глагола позволяет говорить об участии форм прошедшего времени в формировании грамматической категории ирреализа. Эта взаимосвязь объясняется наличием смыслового компонента альтернативности в семантике прошедшего времени. Значение альтернативности, лежащее в ос-

нове модального статуса претерита, обусловливает функционирование прошедших форм глагола в контексте ирреальности для различных логических и прагматических импликаций, таких как выдвижение гипотез, указание на низкую степень достоверности описываемого действия, выражение эмоционально-оценочного отношения (удивление, опасение, изумление), формулирование вежливых просьб и вопросов, выстраивание диалога и т.д. В отличие от специальных форм ирреализа, маркирующих значение необходимости, неизбежности, ирреальный претерит связан с пониманием темпорального статуса события как ситуативной динамики, зависящей от отношений между говорящим и адресатом. В целом формы прошедшего времени для выражения ирреализа образуют такие категории, как паллиатив, оптатив, дезидератив, директивность, дубидатив, апрехенсив и др. Основные выводы могут быть сформулированы следующим образом.

В русском языке формы прошедшего времени, участвующие в конструировании ирреальной семантики в придаточных клаузах после предикатов побуждения, связаны со значением альтернативного видения ситуации, возникающего в результате рефлексирования говорящего над координированием собственного опыта и опыта других субъектов. Синонимичные инфинитные конструкции и формы индикатива, встречающиеся в подобных директивных контекстах, обусловлены более линейным и эгоцентричным восприятием темпоральных изменений. В английском языке претеритные формы в ирреализе используются чаще всего в подчинительных клаузах после предикатов желания и, по сравнению с синонимичными ирреалисными формами, так же мотивированы значением альтернативности и интерсубъективным координированием опыта.

В рассматриваемых языках ирреалисные формы прошедшего времени участвуют в образовании категории паллиатива, создавая эффект вежливости за счет того, что прошедшее время, в котором конструируется просьба или вопрос, дает слушателю определенную свободу выбора, так как наравне с положительным ответом на дискурсивном уровне для слушателя существует отрицательная альтернатива, которой он может воспользоваться.

В болгарском и русском языках ирреалисные формы прошедшего времени используются для выражения категории эвиденциальности. Данные формы представлены формами на *-л* в болгарском языке, образующими пересказывательное наклонение, и глаголом прошедшего времени в русском языке в модально-оценочных и иронических высказываниях. В обоих языках данные средства образуют грамматическую категорию дубидатива, с помощью которой конструируются гипотетичность и альтернативная сценарность прошлого. В английском языке, несмотря на лакунарность пересказывательного наклонения, граммема претерита может функционировать в нарративном дискурсе как индикатор эпистемической дистанции между говорящим и субъектом, с точки зрения которого описывается та или иная ситуация. В данном случае конструируется семантика сомнения в истинности сообщаемой информации.

Ирреалисные формы прошедшего времени в английском, русском и болгарском языках формируют апрехенсивное значение с модально-оценочным и эмоциональным фокусом, что обусловлено опасением говорящего по поводу наступления нежелательной ситуации.

С когнитивной точки зрения значение прошедшего времени в конструировании ирреального мировидения и миропонимания связано с ситуацией (более высокой степени) неопределенности, в которой находится субъект, вынужденный принимать решения для эффективной адаптации к изменениям внешней среды и внутренних состояний. Эта неопределенность может быть связана с *реляционной концептуализацией* внешних и внутренних изменений, заключающейся в признании между этими двумя типами причинности – силами, оказывающими давление на субъекта и вызывающими в нем движение тела и разума, – взаимосвязи, выходящей за рамки эмпирического наблюдения. Организация темпорального опыта посредством форм прошедшего времени глагола означает внедрение в схему действий субъекта дополнительных лиц или нескольких разных, альтернативных точек зрения одного лица, отношения между которыми необходимо выстраивать не просто в эмпирической, а преимущественно в мыслительной деятельности. Мысленное движение говорящего в сторону желаемого настоящего или будущего происходит с «оглядкой назад», что подразумевает наличие у этого пути альтернативного направления, а вернее, осознание и наблюдение говорящим этого альтернативного направления. Такое нелинейное конструирование темпорального пути в сослагательном наклонении (прошедшее время в значении желаемого будущего) связано с большей неопределенностью, в которой пребывает говорящий субъект, из-за диалогической координации своих действий с действиями другого субъекта, с которым происходит взаимодействие.

Известный постулат о том, что история «не знает сослагательного наклонения», означает бессмысленность спекуляций на том, что бы случилось, если бы события разворачивались по альтернативному сценарию. Однако в некоторых языках история «знает» пересказывательное наклонение, позволяющее говорить о гипотетическом прошлом и альтернативной истории.

Ретроспективная интерпретация событий неразрывно связана с контрфактуальным мышлением и лежит в основе конструирования ирреальности в целом, что объясняет типологически универсальный факт оформления ирреальных наклонений прошедшим временем глагола. Реконструкция прошлого опыта, по сути, представляет собой мыследятельностный акт конструирования нового опыта, в результате которого человек находит новые связи и выстраивает новые отношения между накопленными знаниями о мире. Именно поэтому прошлое – это эпистемический источник альтернатив и возможностей, которыми пользуется человек для познания актуальной действительности и превращения ее в область гипотетических связей, т.е. ирреальности.

Перспективным направлением исследования связи прошлого и ирреалиса послужит сопоставительный анализ синтаксических сочетаний *би* с

причастием прошедшего времени и конструкций с темпоральным ирреализом, что характерно для болгарского языка, а также изучение паремий в языках мира с использованием форм ирреального прошлого. Можно предположить, что ирреальное прошлое в пословицах и поговорках связано с еще более высоким уровнем абстрагирования реляционного опыта, а в основе панхронии как мудрости лежит не ситуативное, а проверенное жизнью знание об ошениях между одним субъектом и другим, между субъектом и миром.

Другим направлением дальнейшего изучения когнитивной и типологической взаимосвязи между категорией ирреалиса и прошедшим временем послужит помещение предмета дискуссии в более широкий контекст деонтической и эпистемической модальности, представленной категорией эвиденциальности.

**Список источников**

1. *Sapir E.* The Southern Paiute language // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1930. Vol. 65 (1–3). P. 1–730.

2. *Плунгян В.А.* Предисловие: О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 9–25, 273–291.

3. *Sansò A.* Routes Towards the Irrealis // Transactions of the Philological Society. 2020. Vol. 118 (3). P. 401–406.

4. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки славянских культур, 2010. 480 с.

5. *Joos M.* The English verb: form and meanings. Madison ; Milwaukee : The University of Wisconsin Press, 1964. 262 p.

6. *Steele S.* Past and irrealis: just what does it all mean? // International Journal of American Linguistics. 1975. Vol. 41. P. 200–217.

7. *James D.* Past tense and the hypothetical: a cross-linguistic study // Studies in Language. 1982. Vol. 6. P. 375–403.

8. *Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 234 p.

9. *Dancygie B., Sweetser E.* Mental spaces in grammar: Conditional Constructions. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 316 p.

10. *Русская* грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1–2. М. : Наука, 1980.

11. *Сичинава Д.В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 292–312.

12. *Jespersen O.* Essentials of English Grammar. London : Routledge, 2006. 327 p.

13. *Долгушина Л.В.* Греческий язык Средневековья. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2016. 48 с.

14. *Palmer F.R.* The verb in Bilin // Bulletin of Oriental and African Studies. 1957. Vol. 19. P. 131–159.

15. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Т. 1–2. 2-е изд. Братислава : Изд-во Словацкой академии наук, 1965. 880 с.

16. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 512 с.

17. *Кадырова Г.Р.* Функции сослагательного наклонения в контексте спектра его смыслов // Вестник КазНУ. 2014. URL: https://articlekz.com/article/23814 (дата обращения: 02.01.2022).

18. *Винокурова Т.В.* Типология сослагательного наклонения на материале английского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 19 с.

19. *Мишев Г.* Когато // Сборник прозаических переводов с болгарского языка участников Первого международного конкурса-фестиваля. Москва ; Варна, 2019. С. 198–201.

20. *Schulz K.* Conditionals from a Linguistic Point of View: Two Case Studies //Journal of Philosophical Logic. 2015. P. 805–816.

21. *Langacker R.W.* The form and meaning of the English auxiliary // Language. 1978. Vol. 54. P. 853–882.

22. *Fleishman S.* Temporal distance: a basic linguistic metaphor // Studies in Language. 1989. Vol. 13 (1). P. 1–50.

23. *Cristofaro S.* Past Habituals and Irrealis // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 256–271.

24. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.

25. *Охоцимский А.Д., Кравченко А.В., Дружинин А.С.* Мыследействия и генезис времени в языковом семиозисе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. № 12 (2). С. 7–28.

26. *Кибрик А.Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.

27. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.

28. *Johnson M.* Embodied Mind, Meaning and Reason: How our Bodies Give Rise to Understanding. Chicago : University of Chicago Press, 2017. 240 p.

29. *Piaget J.* Genetic Epistemology. New York : The Norton Library, 1971. 85 p.

30. *Дружинин А.С., Фомина Т. А., Поляков О. Г.* Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // Язык и культура. 2020. № 50 (2). С. 23–40.

31. *Дружинин А.С., Фомина Т.А.* Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 47–75.

32. *Maturana H.R., Varela F.J.* The tree of knowledge. Boston : Shambala, 1987. 272 p.

33. *Cowley S.J.*, *Gahrn-Andresen R.* Languaging in an enlanguaged world // Constructivist Foundations. 2022. Vol. 18 (1). P. 54–57.

34. *Kravchenko A.V.* The maturanian turn: Good prospects for the language sciences // Constructivist Foundations. 2022. Vol. 18 (1).P. 30–41.

35. *Weisgerber L.* Sprache // Handbuch der Soziologie. Stuttgart : Enke, 1931. S. 592–608.

36. *Demuro E., Gurney L.* Languages/languaging as world-making: The ontological bases of language // Language Sciences. 2021. Vol. 83. P. 101307.

37. *Фомина Т. А., Дружинин А. С.* Контекстуально обусловленное номинативное варьирование на оси эвфемия / дисфемия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 137–155.

38. *Piaget J.* Studies in reflecting abstraction. Hove : Psychology Press, 2001. 341 p.

39. *Druzhinin A.S., Fomina T.A.* The world of embodied dialogic creatures // Constructivist Foundations. 2023. Vol. 18 (3). P. 406–409.

40. *Glasersfeld E. von* Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning. Bristol : Falmer Press, 1995. 231 p.

41. *Kravchenko A.V.* The distinctions we make as observers affect theory adequacy // Constructivist Foundations. 2022b. Vol. 18(1). P. 83–85.

42. *Druzhinin A.S.* Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals // Constructivist Foundation. 2020. Vol. 16 (1). P. 69–80.

43. *Канеман Д.*, *Тверски А.* Эвристика моделирования: Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. 2-е изд. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. С. 214–222.

44. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. I: Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 516 p.

45. *Piaget J.* Judgment and reasoning in the child. London : Routledge & Kegan Paul, 1972. 269 p.

46. *Tomasello* M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. 388 p

47. *Hale K.* Papago /cim/ // International Journal of American Linguistics. 1969. Vol. 35 (2). P. 203–212.

48. *Bybee J.* The semantic development of past tense modals in English / Modality in Grammar and Discourse / eds by J. Bybee, S. Fleischman. Philadelphia : John Benjamins, 1995. P. 503–517.

49. *Новиков Д.Н.*, *Катаева Н.О.* Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13. С. 38–45.

50. *Swan M.* Practical English Usage. Oxford : Oxford University Press, 1996. 656 p.

51. *Alexander L.G.* Longman English Grammar. London : Pearson Education Limited, 2007. 374 p.

52. *Thompson A.J.*, *Martinet A.V.* A Practical English Grammar. Oxford : Oxford University Press, 2010. 383 p.

53. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 294 p.

54. *Givón T.* Irrealis and the subjunctive // Studies in Language. 1994. Vol. 18 (2). P. 265–337.

55. *Holvoet A.* Mood in Latvian and Lithuanian / Mood in the Languages of Europe / eds by B. Rothstein, R. Thieroff. Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2010. P. 425–444.

56. *Metslang H., Sepper M.* Mood in Estonian / Mood in the Languages of Europe / eds by B. Rothstein, R. Thieroff. Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2010. P. 528–550.

57. *Добрушина Н.Р.* Прагматические употребления сослагательного наклонения // Русский язык в научном освещении. 2015. № 29 (1). С. 67–86.

58. *Добрушина Н.Р.* Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага : AnimediaCompany, 2016. 413 с.

59. *Brown P.*, *Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

60. *Nicolova R.* Bulgarian grammar. Berlin : Frank & Timme GmbH – Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2017. 714 S.

61. *Pitsch H.* Bulgarian moods // Journal of Slavic Linguistics. 2018. Vol. 26 (1). P. 55–100.

62. *Михайлова Е.С.* Понятие пересказывательного наклонения в болгарском языке // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М., 2022. С. 52–57.

63. *Търпоманова Е.* Евиденциалност в балканските езици: български и албански. София : ИКНиплюс, 2015. 212 с.

64. *Alexander R.* Intensive Bulgarian : in 2 vol. Berkeley, US : The University of California, 2000. 414 p.; Vol. 2. 395 p.

65. *Imoto S.* What is it to live counterfactuals? // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 16 (1). P. 94–96.

66. *Holvoet A.* Irrealis, aspect, and unanchoring in Slavonic and beyond // Zeitschrift für Slawistik. 2022. Vol. 67 (1). P. 60–76.

67. *Добрушина Н.Р.* К типологии оптатива // Плунгян В.А. Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 7–27.

68. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л. : 1990. 264 с.

69. *Князев М.Ю.* О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей бы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб., 2014. С. 140–154.

70. *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 420 p.

71. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

72. *Национальный* корпус русского языка. 2003–2022. URL: ruscorpora.ru

73. *Noonan M.* Complementation // Language typology and syntactic description. Vol. II: Complex constructions / ed. by T. Shopen. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.

74. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/

75. *Иванова Е.Ю.* Болгарские конструкции с апрехенсивной частицей «данеби» в Болгарском национальном корпусе // Języki Słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów. 2021. С. 139–156.

76. *Иванова Е.Ю.* Болгарская частица *да не би* как маркер апрехенсива (на материале Болгарского национального корпуса и параллельного русско-болгарского корпуса) // Корпусные подходы к балканским языкам и диалектам. 2016. С. 1–14.

77. *Chakarova K.A.* Семантико-функционална характеристика на конструкции те от типа *кой (ли) не* в съвременния български език // Language and Literature Studies, Theoretical Linguistics, Morphology, Lexis, Pragmatics, Philology. 2022. Vol. 1 (20).

78. *Форман Н., Новак Я.* Повратна точка. Животът на забележителни хора. София, 1995.

79. *Трий Е.* Вълшебните кристали. София, 2009.

**References**

1. Sapir, E. (1930) The Southern Paiute language. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*. 65 (1–3). pp. 1–730.

2. Plungyan, V.A. (2004) Predislovie. O kontrfakticheskikh upotrebleniyakh plyuskvamperfekta [Preface. On counterfactual uses of the plusquamperfekt]. In: Lander, Yu.A., Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 9–25, 273–291.

3. Sansò, A. (2020) Routes Towards the Irrealis. *Transactions of the Philological Society*. 118 (3). pp. 401–406.

4. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research. Semantics of tense and aspect in the Russian language. Semantics of the narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

5. Joos, M. (1964) *The English Verb: Form and meanings*. Madison; Milwaukee: The University of Wisconsin Press.

6. Steele, S. (1975) Past and irrealis: just what does it all mean? *International Journal of American Linguistics*. 41. pp. 200–217.

7. James, D. (1982) Past tense and the hypothetical: a cross-linguistic study. *Studies in Language*. 6. pp. 375–403.

8. Palmer, F.R. (2001) *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Dancygie, B. & Sweetser, E. (2005) *Mental spaces in grammar: Conditional Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vols 1–2. Moscow: Nauka.

11. Sichinava, D.V. (2004) K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya [On the problem of the origin of the Slavic conditional mood]. In: Lander, Yu.A.,

Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) (2004) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies on the Theory of Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 292–312.

12. Jespersen, O. (2006) *Essentials of English Grammar*. London: Routledge.

13. Dolgushina, L.V. (2016) *Grecheskiy yazyk Srednevekov'ya* [Greek Language of the Middle Ages]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

14. Palmer, F.R. (1957) The verb in Bilin. *Bulletin of Oriental and African Studies*. 19. pp. 131–159.

15. Isachenko, A.V. (1965) *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya* [The Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology]. Vols 1–2. 2nd ed. Bratislava: Slovak Academy of Sciences.

16. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Uchpedgiz.

17. Kadyrova, G.R. (2014) Funktsii soslagatel'nogo nakloneniya v kontekste spektra ego smyslov [Functions of the subjunctive mood in the context of the spectrum of its meanings]. *Vestnik KazNU*. [Online] Available from: https://articlekz.com/article/23814 (Accessed: 02.01.2022).

18. Vinokurova, T.V. (1992) *Tipologiya soslagatel'nogo nakloneniya na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov* [Typology of the subjunctive mood based on the material of English and German]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

19. Mishev, G. (2019) Kogato. In: *Sbornik prozaicheskikh perevodov s bolgarskogo yazyka uchastnikov Pervogo Mezhdunarodnogo konkursa-festivalya* [Collection of Prose Translations from the Bulgarian Language by Participants of the First International Competition-Festival]. Moscow; Varna: [s.n.]. pp. 198–201.

20. Schulz, K. (2015) Conditionals from a Linguistic Point of View: Two Case Studies. *Journal of Philosophical Logic*. 44. pp. 805–816.

21. Langacker, R.W. (1978) The form and meaning of the English auxiliary. *Language*. 54. pp. 853–882.

22. Fleishman, S. (1989) Temporal distance: a basic linguistic metaphor. *Studies in Language*. 13 (1). pp. 1–50.

23. Cristofaro, S. (2004) Past Habituals and Irrealis. In: Lander, Yu.A., Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies of Theory and Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 256–271.

24. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

25. Okhotsimskiy, A.D., Kravchenko, A.V. & Druzhinin, A.S. (eds) (2021) Mysledeystviya i genezis vremeni v yazykovom semiozise [Thought actions and the genesis of time in linguistic semiosis]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. 12 (2). pp. 7–28.

26. Kibrik, A.E. (2008) Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 51–77.

27. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

28. Johnson, M. (2017) *Embodied Mind, Meaning and Reason: How our Bodies Give Rise to Understanding*. Chicago: University of Chicago Press.

29. Piaget, J. (1971) *Genetic Epistemology*. New York: The Norton Library.

30. Druzhinin, A.S., Fomina, T.A. & Polyakov, O.G. (2020) Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy i eksperientsial'nyy kontekst: kholisticheskiy vzglyad na lingvisticheskuyu problemu [Euphemisms, dysphemisms, orthophemisms and experimental context: a holistic view of the linguistic problem]. *Yazyk i kul'tura*. 50 (2). pp. 23–40.

31. Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2022) Euphemisms and dysphemisms in experience construction. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 47–75. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/3

32. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (1987) *The Tree of Knowledge*. Boston: Shambala.

33. Cowley, S.J. & Gahrn-Andresen, R. (2022) Languaging in an enlanguaged world. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 54–57.

34. Kravchenko, A.V. (2022) The maturanian turn: Good prospects for the language sciences. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 30–41.

35. Weisgerber, L. (1931) Sprache. In: *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart: Enke. pp. 592–608.

36. Demuro, E. & Gurney, L. (2021) Languages/languaging as world-making: The ontological bases of language. *Language Sciences*. 83. pp. 101–307.

37. Fomina, T.A. & Druzhinin, A.S. (2023) Kontekstual'no obuslovlennoe nominativnoe var'irovanie na osi evfemiya/disfemiya [Contextually determined nominative variation on the euphemia/dysphemia axis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 20 (1). pp. 137–155.

38. Piaget, J. (2001) *Studies in Reflecting Abstraction*. Hove: Psychology Press.

39. Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2023) The world of embodied dialogic creatures. *Constructivist Foundations*. 18 (3). pp. 406–409.

40. Glasersfeld, E. von (1995) *Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning*. Bristol: Falmer Press.

41. Kravchenko, A.V. (2022) The distinctions we make as observers affect theory adequacy. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 83–85.

42. Druzhinin, A.S. (2020) Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundation*. 16 (1). pp. 69–80.

43. Kaneman, D. & Tverski, A. (2018) *Evristika modelirovaniya. Prinyatie resheniy v neopredelennosti. Pravila i predubezhdeniya* [Modeling Heuristics. Decision-making in uncertainty. Rules and prejudices]. 2nd ed. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr. pp. 214–222.

44. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.

45. Piaget, J. (1972) *Judgment and Reasoning in the Child*. London: Routledge & Kegan Paul.

46. Tomasello, M. (2003) *Constructing a Language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

47. Hale, K. (1969) Papago /cim/. *International Journal of American Linguistics*. 35 (2). pp. 203–212.

48. Bybee, J. (1995) The semantic development of past tense modals in English. In: Bybee, J. & Fleischman, S. (eds) *Modality in Grammar and Discourse*. Philadelphia: John Benjamins. pp. 503–517.

49. Novikov, D.N. & Kataeva, N.O. (2018) Semantika modal'nykh glagolov shall i should v sovremennom angliyskom yazyke: prototipicheskiy podkhod [Semantics of modal verbs shall and should in modern English: a prototypical approach]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 13. pp. 38–45.

50. Swan, M. (1996) *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press.

51. Alexander, L.G. (2007) *Longman English Grammar*. London: Pearson Education Limited.

52. Thompson, A.J. & Martinet, A.V. (2010) *A Practical English Grammar*. Oxford: Oxford University Press.

53. Hewings, M. (2006) *Advanced Grammar in Use*. Cambridge: Cambridge University Press.

54. Givón, T. (1994) Irrealis and the subjunctive. *Studies in Language*. 18 (2). pp. 265–337.

55. Holvoet, A. (2010) Mood in Latvian and Lithuanian. In: Rothstein, D. & Thieroff, R. (eds) *Mood in the Languages of Europe*. Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 425–444.

56. Metslang, H. & Sepper, M. (2010) Mood in Estonian. In: Rothstein, D. & Thieroff, R. (eds) *Mood in the Languages of Europe*. Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 528–550.

57. Dobrushina, N.R. (2015) Pragmaticheskie upotrebleniya soslagatel'nogo nakloneniya [Pragmatic uses of the subjunctive mood]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 29 (1). pp. 67–86.

58. Dobrushina, N.R. (2016) *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki* [Subjunctive Mood in the Russian Language: Experience in the study of grammatical semantics]. Prague: AnimediaCompany.

59. Brown, P. & Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Cambridge University Press.

60. Nicolova, R. (2017) *Bulgarian Grammar*. Berlin: Frank & Timme GmbH – Verlag für wissenschaftliche Literatur.

61. Pitsch, H. (2018) Bulgarian moods. *Journal of Slavic Linguistics*. 26 (1). pp. 55–100.

62. Mikhaylova, E.S. (2022) [The concept of the retelling mood in the Bulgarian language]. *Novyy mir. Novyy yazyk. Novoe myshlenie* [New World. New language. New thinking]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow. 04 February 2022. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. pp. 52–57. (In Russian).

63. Tarpomanova, E. (2015) *Evidentsialnost v balkanskite ezitsi: balgarski i albanski.* Sofia: IKNiplyus.

64. Alexander, R. (2000) *Intensive Bulgarian.* Vol. 2. Berkeley, US: The University of California.

65. Imoto, S. (2020) What is it to live counterfactuals? *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 94–96.

66. Holvoet, A. (2022) Irrealis, aspect, and unanchoring in Slavonic and beyond. *Zeitschrift für Slawistik*. 67 (1). pp. 60–76.

67. Dobrushina, N.R. (2001) K tipologii optativa [On the typology of optative]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research on the Theory of Grammar]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari. pp. 7–27.

68. Bondarko, A.V. (1990) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka.

69. Knyazev, M.Yu. (2014) O vzaimodeystvii poryadka slov i semantiki v infinitivnoy konstruktsii s chastitsey by [On the interaction of word order and semantics in the infinitive construction with the particle by]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Russkiy yazyk: grammatika konstruktsiy i leksiko-semanticheskie podkhody* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Russian language: grammar of constructions and lexical-semantic approaches]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 140–154.

70. Bybee, J., Perkins, R. & Pagliuca, W. (1994) *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.

71. Plungyan, V.A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

72. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (2003–2022) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru

73. Noonan, M. (2007) Complementation. In: Shopen, T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description.* Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 52–150.

74. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: https://dictionary.cambridge.org/

75. Ivanova, E.Yu. (2021) Bolgarskie konstruktsii s aprekhensivnoy chastitsey "danebi" v Bolgarskom natsional'nom korpuse [Bulgarian constructions with the aprehensive particle "danebi" in the Bulgarian National Corpus]. In: Kiklewicz, A., Banasiak, J.L. & Mazurkiewicz-Sułkowska, J. (eds) *Języki Słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów.* Warszawa: Instytut Slawistyki PAN. pp. 139–156.

76. Ivanova, E.Yu. (2016) [Bulgarian particle da ne bi as a marker of the apprehensive (based on the material of the Bulgarian National Corpus and the parallel Russian-Bulgarian

Corpus)]. *Korpusnye podkhody k balkanskim yazykam i dialektam* [Corpus Approaches to Balkan Languages and Dialects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 5–7 December 2016. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 1–14. (In Russian).

77. Shakarova, K.A. (2022) Semantic-Functional Characteristics of the Constructions of the Type Koy (LI) NE in Modern Bulgarian. *Language and Literature Studies, Theoretical Linguistics, Morphology, Lexis, Pragmatics, Philology*. 1 (20). (In Bulgarian).

78. Forman, N. & Novak, Ya. (1995) *Turning point. The Lives of Remarkable People*. Sofia: Anubis. (In Bulgarian),

79. Triy, E. (2009) *The magic crystals*. Sofia: Entusiast. (In Bulgarian).

***Информация об авторах:***
**Дружинин А.С.** – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru
**Лаврова Н.А.** – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

***Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.***

***Information about the authors:***
**A.S. Druzhinin,** Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru
**N.A. Lavrova,** Dr. Sci. (Philology), professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

***The authors declare no conflicts of interests.***

*Статья поступила в редакцию 05.02.2023;*
*одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 05.02.2023;*
*approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 07.03.2024.*